

МИЯ ГРЭЙ

ШЁПОТ  
В ПОЛНОЧЬ

18+

Мия Грэй

# **Шёпот в полночь**

«Автор»

2026

**Грэй М.**

Шёпот в полночь / М. Грэй — «Автор», 2026

Она пришла в бар, чтобы утопить боль в виски и забыть предавшего её мужчину. Он зашёл убить время перед очередной командировкой, не ожидая ничего, кроме пустого вечера. Один случайный взгляд — и между ними вспыхивает напряжение, которое невозможно игнорировать. Они соглашаются на одну ночь без обязательств, без имён, без прошлого. Но когда в темноте раздаётся его шёпот, она понимает: это не просто страсть. Это начало чего-то, что изменит их обоих. Смогут ли они исцелить друг друга или их прошлое окажется сильнее?

© Грэй М., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава                             | 5  |
| Глава 1. Полночный свет           | 6  |
| Глава 2. Прикосновение бездны     | 10 |
| Глава 3. Первый рассвет           | 14 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 16 |

# **Мия Грэй**

## **Шёпот в полночь**

### **Глава**

## Глава 1. Полночный свет

Бар назывался «Полночный свет», и это было единственной правдой, которую он говорил о себе. Свет здесь действительно был — тусклый, тягучий, янтарный, он разливался по полированному дереву стойки, как старый виски, и застревал в гранях хрустальных стаканов, превращая их в маленькие ловушки для чужих взглядов. Запахи здесь тоже вали: дорогой парфюм смешивался с горечью табака и терпкостью лимона, создавая иллюзию чего-то благородного, почти запретного. Но Алиса знала цену этим иллюзиям.

Она сидела на высоком стуле у самого края барной стойки, спиной к залу, и её поза была красноречивее любых слов. Плечи, чуть ссутуленные, говорили об усталости, которая поселилась где-то глубоко под рёбрами и не проходила уже третий месяц. Пальцы левой руки бессознательно теребили край бумажной салфетки, превращая её в мокрый комок, пока правая рука сжимала бокал с чем-то прозрачным и ледяным. Она не пила. Она просто смотрела на игру света в этой прозрачной ловушке, позволяя себе утонуть в собственных мыслях, которые, как назойливые мухи, жужжали об одном и том же.

«Ты слишком эмоциональна, Алиса». Его голос всё ещё звучал в её голове, ровный, спокойный, словно он обсуждал прогноз погоды, а не разбивал вдребезги их трёхлетние отношения. «Нам нужно пространство. Ты душишь меня своей любовью». Ирония заключалась в том, что именно он, Денис, всегда был тем, кто требовал внимания, кто звонил в час ночи, чтобы услышать её голос, кто засыпал её подарками, а потом в один прекрасный день просто собрал чемодан и ушёл к своей «более лёгкой» коллеге по работе. Лёгкой. Какое отвратительное слово. Алиса чувствовала себя тяжёлой, как свинцовая плита, которую бросили на дно океана. Она пришла сюда не для того, чтобы встретить кого-то. Она пришла сюда, чтобы забыть, как дышать этим ядовитым воздухом воспоминаний.

Где-то за её спиной играл джаз — саксофон стонал и извивался, как живое существо, пытаясь вырваться из тисков мелодии. Это была та самая музыка, под которую хочется закрыть глаза и позволить телу растечься, как воску. Алиса сделала глоток — ледяная жидкость обожгла горло, но не принесла облегчения. Она поставила бокал на стойку и подняла глаза, чтобы попросить у бармена ещё, но слово застряло у неё в горле.

В отражении зеркальной стены за барной стойкой она увидела его.

Он стоял в проёме двери, чуть прищурившись, словно яркий свет фойе всё ещё слепил его, хотя внутри бара царил полумрак. Он был в простой тёмной футболке, которая обтягивала широкие плечи, и потёртых джинсах — одежда человека, который не пытается никого впечатлить, потому что ему это не нужно. Его лицо, чуть тронутое щетиной, казалось вырезанным из тёплого дерева: резкая линия челюсти, чётко очерченные скулы, и глаза — тёмные, почти чёрные, которые, казалось, поглощали весь свет вокруг. В них не было ни любопытства, ни похоти, ни даже скуки. Там была пустота. Та самая пустота, которую Алиса пыталась заткнуть своим виски.

Он не смотрел на неё. Он обвёл взглядом зал, словно оценивая поле боя, и направился к барной стойке, но с другой стороны, оставляя между ними три пустующих стула. Он сел, небрежно кивнул бармену и что-то сказал — Алиса не слышала слов, только низкий, вибрирующий тембр голоса, который прорезал шум зала, как нож. Бармен поставил перед ним чёрный кофе в маленькой чашке. Кофе. Ночью. В баре.

Это было так нелогично, так странно, что Алиса невольно улыбнулась — первый раз за сегодняшний вечер. Улыбка вышла кривой и горькой, но она была. Она отвела взгляд, понимая, что устала на незнакомца. Это было глупо. Она пришла сюда не для этого. Она мысленно приказала себе вернуться к созерцанию своего бокала, но боковое зрение, словно живущее собственной жизнью, продолжало фиксировать его движения.

Он не пил кофе. Он просто держал чашку в руках, согревая ладони о горячий фарфор, и смотрел куда-то в стену. Или сквозь неё. Было в нём что-то до боли знакомое — не внешность, нет. Было в нём что-то от человека, который тоже искал убежища. Убежища от самого себя.

Она почувствовала его взгляд раньше, чем увидела. Это было физическое ощущение — как лёгкий электрический разряд, пробежавший по позвоночнику, заставивший кожу на руках покрыться мурашками. Алиса медленно, словно боясь спугнуть мгновение, повернула голову. Их глаза встретились.

Мир вокруг перестал существовать. Исчезли голоса, исчез саксофон, исчез даже запах виски и табака. Остался только он — этот тёмный, пристальный взгляд, который, казалось, проникал сквозь зрачки прямо в душу, туда, где она прятала свои самые потаённые раны. В его взгляде не было жалости, которую она так ненавидела в последнее время. В нём не было осуждения. В нём был вызов и, что самое странное, понимание. Он видел её боль, но не собирався её лечить. Он просто констатировал факт.

Она должна была отвести глаза. Должна была. Это было правилом приличия, правилом безопасности. Но она не могла. Она смотрела в эту чёрную бездну и чувствовала, как где-то в груди, там, где всё было онемевшим и мёртвым, начинает пульсировать горячая, запретная искра.

Он чуть склонил голову набок, и на его губах появилась едва заметная, почти хищная улыбка. Он взял свою чашку, встал, и, не спрашивая разрешения, направился к ней. Каждый его шаг отдавался у неё в висках глухим, тяжелым биением сердца. Он приблизился, и она почувствовала его запах — не парфюм, а что-то чистое, земляное, смешанное с легким ароматом дождя и горячего кофе. Он остановился прямо перед ней, заполняя собой всё пространство, заставляя её забыть, как дышать.

— Ты знаешь, — сказал он, и его голос, низкий и хриловатый, прозвучал так близко, что его дыхание коснулось её щеки, — когда женщина смотрит на своё отражение так, как смотрела ты, она либо ищет в нём дьявола, либо прячется от ангела.

Алиса моргнула, вырываясь из оцепенения. Она почувствовала, как краска заливает её щеки — от гнева или смущения, она не поняла. Она не привыкла, чтобы её раскусывали так быстро, так безжалостно. Она набрала в грудь воздуха, готовая ответить резкостью, но вместо этого из её губ вырвался совсем другой звук — тихий, почти беззащитный смех.

— Или просто пьёт виски, чтобы забыть, что она человек, — ответила она, поднимая на него взгляд, и в этот момент поняла, что пропала.

Он усмехнулся, и в его тёмных глазах мелькнула искра тепла — первая за весь вечер. Он поставил свою чашку на стойку рядом с её бокалом и сел на соседний стул, разворачиваясь к ней всем корпусом.

— Зачем человеку забывать, что он человек? — спросил он тихо. — Это самое ценное, что у нас есть. Даже когда больно.

— Особенно когда больно, — поправила она, и в голосе её проскользнула горечь. Она не хотела этого. Она пришла сюда, чтобы молчать. Но этот незнакомец вытягивал из неё слова, как нить из клубка. — Боль — это напоминание о том, что ты ещё жив. Но иногда это напоминание слишком громкое.

Он слушал, не перебивая. В его взгляде не было насмешки, только та самая тихая, мощная концентрация, от которой хотелось либо бежать, либо броситься в омут с головой. Он медленно поднял руку и коснулся её пальцев, лежащих на стойке. Прикосновение было лёгким, почти невесомым — его тёплые, сухие пальцы накрыли её холодные, дрожащие. От этого касания по всему телу пробежала горячая волна, и Алиса вздрогнула, но не убрала руку.

— Меня зовут Максим, — сказал он, и его голос стал ещё тише, интимнее, словно он делился с ней тайной. — И я не хочу знать твоего имени. Не сейчас. Потому что если я узнаю его, я не смогу просто уйти. А мне нужно уйти. Завтра утром у меня рейс.



Она смотрела в его глаза, и где-то на задворках сознания билась тревожная мысль: «Это безумие. Остановись». Но внутри неё, там, где три месяца назад умерла надежда, просыпалось что-то новое. Что-то голодное, тёмное и прекрасное. Она не знала его, не знала его фамилии, его жизни, его истории. Она знала только его взгляд и его прикосновение. И этого было достаточно.

— Алиса, — выдохнула она, и имя сорвалось с губ, как последнее предупреждение.

Он улыбнулся, и в этой улыбке не было триумфа. Была грусть и нетерпение. Он поднёс её руку к своим губам и, не сводя с неё глаз, поцеловал костяшки её пальцев. Поцелуй был долгим, горячим, и она чувствовала, как его дыхание опалает кожу, как влажный след губ оставляет ожог, который не заживёт уже никогда.

— Просто одну ночь, — прошептал он, отпуская её руку, но его взгляд оставался пленником её глаз. — Никаких имён, никаких обязательств, никаких вопросов о завтра. Просто то, что есть сейчас. Скажи «да», и эта ночь будет твоей.

Алиса молчала. В висках шумело, в груди колотилось сердце. Она могла встать, взять сумочку и уйти, забыв об этом безумце, как о ночном кошмаре. Она могла рассмеяться ему в лицо и заказать ещё виски. Но она не сделала ни того, ни другого. Вместо этого она медленно, словно во сне, опустила взгляд на его губы, потом снова подняла глаза.

— А если я не хочу, чтобы это была просто одна ночь? — спросила она, и голос её прозвучал хрипло и с вызовом.

Он замер, и на долю секунды в его чёрных глазах промелькнула растерянность — та самая человеческая слабость, которую он так тщательно прятал. А затем он наклонился ближе, так близко, что его горячее дыхание смешалось с её, и прошептал на ухо, касаясь губами мочки:

— Тогда, Алиса, позволь мне хотя бы попытаться сделать так, чтобы ты не пожалела об этом. Позволь мне отвлечь тебя от той боли, что ты носишь в себе. Позволь мне быть твоим «здесь и сейчас».

Его рука скользнула по её спине, едва касаясь ткани платья, и от этого прикосновения по спине пробежал огонь. Она закрыла глаза, позволяя себе утонуть в этом мгновении. Она чувствовала его запах, слышала его дыхание, ощущала жар его тела, исходящий от него волнами. И где-то глубоко внутри, в самой сердцевине её существа, старый мир с его предательствами и болью начал трещать по швам, уступая место новому, неизведанному, пугающе прекрасному.

Она открыла глаза и, глядя прямо в эту чёрную бездну, которая больше не казалась пустотой, а была целой вселенной, полной обещаний, медленно кивнула.

— Да, — прошептала она, и это слово было громче любого крика.

Он улыбнулся той самой, настоящей улыбкой, от которой у неё перехватило дыхание, и поднялся. Он протянул ей руку — широкую ладонь, открытую и ждущую. Алиса взяла её, и его пальцы сомкнулись вокруг её, крепко и уверенно. Он потянул её за собой, и она послушно поднялась со стула. Она не знала, куда они идут. Ей было всё равно.

На прощание она бросила на стойку купюру, не глядя, сколько там, и позволила увести себя из «Полночного света». Прохладный ночной воздух ударил в лицо, разгоняя туман, но она всё равно чувствовала себя пьяной — пьяной от его близости, от его молчания, от обещаний, которыми был пропитан каждый его шаг.

Он не выпускал её руки. Они шли по пустынной улице, и их шаги гулко отдавались от мокрого асфальта. Где-то далеко гудела машина, и неоновая вывеска мотеля бросала красные отсветы на его лицо, делая его черты ещё более резкими, почти демоническими. Он остановился у неприметной двери, которую она даже не заметила бы, если бы он не вытащил ключ.

— Это здесь, — сказал он, поворачиваясь к ней лицом. — Последний шанс передумать.

Алиса подошла к нему вплотную, заглядывая в глаза. Она чувствовала, как дрожит её тело, как подкашиваются колени, но в этот раз это была не слабость. Это было предвкушение.

— Я не хочу передумывать, — сказала она твёрдо. — Я хочу чувствовать.



Он резко выдохнул, словно она ударила его, и притянул её к себе. Его ладонь скользнула по её затылку, пальцы запутались в волосах, и он наклонился к ней. В темноте, под светом мерцающей неоновой вывески, она почувствовала его горячее дыхание на своих губах. На одно бесконечное мгновение они застыли, замерли на краю пропасти, и это мгновение длилось вечность.

А затем он поцеловал её, и мир перевернулся.

## Глава 2. Прикосновение бездны

Его поцелуй был не тем, чего она ожидала. Она ждала напора, жадности, той самой мужской нетерпеливости, которая обычно предшествует ночи в мотеле с незнакомцем. Но Максим целовал её так, будто они были любовниками, расставшимися много лет назад, и теперь, после долгой разлуки, он хотел заново изучить каждую линию её губ, каждое движение её языка, каждую дрожь её тела.

Его губы были горячими и сухими, и он двигался медленно, чувственно, словно смаковал её вкус, смешанный с горечью виски и сладостью помады. Он слегка прикусил её нижнюю губу, и Алиса ахнула, не столько от боли, сколько от неожиданной остроты ощущения, которое разлилось по всему телу горячей волной. Она приоткрыла рот, впуская его, и когда их языки встретились, мир окончательно потерял свои очертания.

Она чувствовала его пальцы в своих волосах — они не тянули, не дёргали, а гладили, перебирали пряди, словно он запоминал их текстуру. Его другая рука лежала на её пояснице, едва касаясь, но это прикосновение прожигало ткань платья и кожу под ним. Она уткнулась лицом в его грудь, вдыхая запах его тела — тот самый запах чистоты и дождя, который преследовал её с первой секунды. И в этом запахе не было ничего искусственного, ничего показного. Он пах так, как пахнет мужчина, который знает себе цену и не нуждается в подтверждениях.

Он отстранился первым, но его лицо оставалось так близко, что Алиса видела каждую тень на его скулах, каждый отблеск неона в его чёрных глазах. Его дыхание было сбивчивым, и она поняла, что он так же взволнован, как и она, как бы он ни старался сохранять своё ледяное спокойствие.

— Зайдём внутрь, — сказал он, и это был не вопрос и не приказ, а просто констатация факта, произнесённая с такой интимной твёрдостью, что у неё пересохло в горле.

Она молча кивнула, не доверяя своему голосу. Он открыл дверь, и за ней оказалась узкая лестница, ведущая наверх. Ступени были деревянными, старыми, и они поскрипывали под его весом, когда он шёл впереди, держа её за руку. Свет здесь был тусклым, жёлтым, и он падал на стены, выкрашенные в тёплый терракотовый цвет. В воздухе пахло старым деревом, воском и ещё чем-то неуловимым — может быть, лавандой, а может быть, просто ароматом прошедших здесь жизней.

Он остановился у двери в конце коридора. На ней не было номера, только маленькая медная табличка с выгравированной веткой оливы. Максим вставил ключ, и замок щёлкнул с тихим, доверительным звуком. Он толкнул дверь и пропустил её вперёд.

Комната оказалась небольшой, но уютной, как гнёздышко, скрытое от всего мира. Высокий потолок с тёмными балками, широкое окно, выходящее во внутренний двор, где тихо шумели деревья. Старая мебель из тёмного дерева — массивная кровать с резными столбиками, мягкий диван, заваленный подушками, и маленький столик, на котором стояла бутылка воды и бокалы. На стенах висели картины — акварели с изображением ночных улиц, размытые и туманные, как сны. В углу горел торшер, бросая на пол мягкие золотистые круги.

Алиса остановилась посередине комнаты, чувствуя себя незваной гостьей в чужом сне. Максим закрыл за собой дверь, и звук замка, щёлкнувшего на задвижку, отдался у неё в груди глухим эхом. Она повернулась к нему лицом, и в этот момент вся её храбрость, все её недавние решимость и вызов куда-то исчезли, оставив только трепетную, первобытную робость.

Максим стоял у двери, прислонившись к ней плечом, и смотрел на неё. Его взгляд медленно скользил по её фигуре — от туфель на тонких каблуках, оставляющих следы на паркете, до края платья, открывающего колени, и выше, к вырезу на груди, к шее, где бешено бился пульс. Он смотрел на неё так, как смотрят на произведение искусства, пытаясь разгадать замысел творца.

— Ты дрожишь, — сказал он тихо, и в голосе его не было насмешки, только тихое, тёплое изумление. — Или тебе холодно, или ты боишься меня. Или, — он чуть склонил голову набок, и уголки его губ дрогнули в полуулыбке, — ты просто забыла, как это — когда кто-то смотрит на тебя по-настоящему.

Алиса хотела ответить что-то острое, защитное, но слова застряли в горле. Она чувствовала, как под его взглядом тают все её броня и маски, как он видит её насквозь — не только её тело, но и тот страх, что она прятала за дерзостью, и ту боль, что она заливала виски, и ту надежду, которую она отчаянно пыталась убить. Он видел всё.

Максим оттолкнулся от двери и сделал шаг к ней. Потом ещё один. Он двигался так бесшумно, что казалось, он не идёт, а плывёт, и каждый его шаг отдавался у неё в груди тяжёлым ударом. Он остановился в полуметре от неё — достаточно близко, чтобы она чувствовала тепло его тела, но недостаточно, чтобы прикоснуться.

— Я не хочу тебя торопить, — сказал он, и его голос стал ниже, почти шёпотом. — Я знаю, почему ты пошла за мной. Я знаю, что ты пытаешься забыть. И я не хочу быть просто средством для этого. Если ты хочешь уйти — уходи. Если хочешь остаться — оставайся. Но если ты останешься, — он сделал паузу, и в его глазах мелькнула та самая тёмная искра, — я хочу, чтобы ты была здесь не для того, чтобы спрятаться, а для того, чтобы найти.

Алиса смотрела на него, и где-то на периферии сознания она понимала, что это самый опасный человек, которого она встречала. Он не брал силой, он не требовал, он предлагал. Он давал ей выбор, и этот выбор был тяжелее любого принуждения. Потому что, если она останется сейчас, она останется не по инерции, не из чувства вины или обязательств, а потому что она сама этого хочет.

Она шагнула вперёд и коснулась его груди ладонью. Под её пальцами его сердце билось ровно и сильно, и она поразилась этому спокойствию, этой уверенности, исходящей от него. Или, может быть, это была просто иллюзия, которую он создавал, чтобы она чувствовала себя в безопасности?

— Я не хочу ничего искать, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я хочу просто чувствовать. Я так устала думать. Ты можешь дать мне это?

Он поднял руку и накрыл её ладонь своей. Его пальцы были горячими и шершавыми, и этот контраст с её холодной кожей заставил её вздрогнуть. Он нежно сжал её руку и поднёс к своим губам, целуя внутреннюю сторону запястья, туда, где тонкая кожа почти прозрачна, и синие вены пульсируют в такт сердцу. Его язык едва коснулся её пульсирующей точки, и по телу Алисы пробежала судорога.

— Я дам тебе это, — прошептал он, касаясь губами её кожи, произнося слова прямо в неё. — Я дам тебе всё, что ты захочешь. Но ты должна мне кое-что пообещать.

— Что? — выдохнула она, чувствуя, как его дыхание опалает её руку, как её ноги начинают подкашиваться от этого простого, интимного прикосновения.

— Когда что-то будет слишком сильно, слишком много — скажи мне. Скажи «стоп», и я остановлюсь. Мгновенно. Без вопросов и обид. И если ты захочешь говорить — говори. Если захочешь молчать — молчи. Но обещай мне, что ты не будешь терпеть. Ни сейчас, ни когда-либо. Ты слишком ценна, чтобы тебя терпели или чтобы ты терпела.

Его слова проникли в неё глубже, чем любые прикосновения. Она не знала, что можно быть такой нежной и такой твёрдой одновременно. Она молча кивнула, чувствуя, как слёзы подступают к глазам, но она не позволила им пролиться. Она уже столько плакала. Сейчас она хотела чувствовать другое.

Максим отпустил её руку и подошёл к столу. Он налил воды в бокал и протянул ей. Она взяла его, и их пальцы снова соприкоснулись, искря и обжигая. Она сделала глоток — вода была прохладной и чистой, смывая с губ горечь виски и оставляя послевкусие свежести. Он взял у неё бокал, поставил на стол и повернулся к ней снова.

В его взгляде не было спешки. Было только желание, глубокое и тёмное, как океан в шторм. Он медленно подошёл к ней и поднял руки к её лицу. Его ладони легли на её щеки, большие и тёплые, и он чуть приподнял её голову, заставляя смотреть ему в глаза.

— Ты прекрасна, — сказал он просто, как констатировал факт. — И не потому, что у тебя красивые глаза или губы. А потому, что ты живая. Ты горишь. Даже когда ты пытаешься погасить этот огонь, он всё равно виден. Я вижу его.

Его большой палец провёл по её скуле, очерчивая линию, и спустился к уголку губ. Он коснулся её нижней губы, и она приоткрыла рот, позволяя его пальцу скользнуть внутрь, коснуться языка. Это было так интимно, так доверительно, что у неё перехватило дыхание. Она чувствовала вкус его кожи — солёный, тёплый, живой. Она слегка коснулась его пальца языком, и он выдохнул, глубоко и прерывисто.

Он убрал руку и склонился к ней, целуя её в лоб, в переносицу, в уголок глаза, где затаилась невыплаканная слеза. Его поцелуи были лёгкими, почти невесомыми, но каждый из них оставлял огненный след на её коже. Он целовал её скулы, её виски, её мочки ушей, и она чувствовала, как её тело начинает таять под этим натиском, как где-то глубоко внутри зарождается горячее, томительное ожидание.

Он опустил ниже, целуя её шею, и его губы задержались на том месте, где бьётся пульс. Он слегка прикусил кожу, и она ахнула, выгибаясь в его руках. Его язык прошёлся по этому месту, успокаивая и распаляя одновременно.

— Я хочу запомнить тебя, — прошептал он, и его голос был хриплым, срывающимся. — Каждый звук, который ты издаёшь. Каждую твою дрожь. Каждое твоё дыхание.

Его руки скользнули по её плечам, сбрасывая лямки платья. Ткань поползла вниз, открывая её плечи, её ключицы, и он на мгновение замер, глядя на неё. Его взгляд потемнел, стал почти чёрным, и в нём читалась такая жажда, что у неё закружилась голова.

— Ты даже не представляешь, как сильно я хочу тебя, — прошептал он, и его дыхание обожгло её кожу. — Но я могу ждать. Я буду ждать столько, сколько нужно.

Алиса подняла руки и положила их ему на грудь, чувствуя под тканью футболки стальные мышцы и бешеный стук его сердца. Она улыбнулась — мягко, неуверенно, но искренне.

— А если я не хочу ждать? — прошептала она в ответ, и её голос был полон вызова и страха одновременно.

Он замер, и его глаза расширились на мгновение. А затем он притянул её к себе так резко и сильно, что она вскрикнула, и он прижал её к себе, целуя в губы снова, но уже не нежно, а требовательно, страстно, вкладывая в этот поцелуй всю свою сдерживаемую энергию. Его руки скользнули по её спине, нащупали молнию платья и потянули её вниз. Она почувствовала, как ткань ослабевает, скользит по её телу, падает на пол, оставляя её стоящей перед ним в одном белье — простом, чёрном, кружевном.

Он отстранился, чтобы посмотреть на неё, и в его глазах отразился свет торшера, делая их похожими на расплавленное золото. Он смотрел на неё с благоговением, с восхищением, и она никогда в жизни не чувствовала себя такой красивой, такой желанной, такой живой.

— Боже, — выдохнул он, и в голосе его звучала молитва. — Ты разрушаешь меня. Ты знаешь это? Ты просто стоишь здесь, и я уже не принадлежу себе.

Он опустился перед ней на колени, и этот жест был таким неожиданным, таким интимным, что у неё перехватило дыхание. Он обхватил её бедра своими большими ладонями и прижался лицом к её животу, к той тонкой полоске кожи, что осталась между трусиками и грудью. Он целовал её живот, горячо и медленно, и она чувствовала его дыхание, его язык, его губы на своей коже, и её пальцы запутались в его волосах, притягивая его ещё ближе.

Он поднял голову и посмотрел на неё снизу вверх, его глаза блестели в полумраке. Он медленно, не торопясь, поднял руки и коснулся её груди через кружево, и её тело отозвалось

на это прикосновение сладкой, тянущей болью. Он погладил её сквозь ткань, чувствуя, как её соски затвердевают от его прикосновений, и она застонала, тихо и отчаянно.

— Ты слышишь себя? — прошептал он, и его голос был полон страсти и нежности. — Твой голос сейчас — это самая прекрасная музыка. Никогда не молчи. Я хочу слышать тебя.

Он поднялся и взял её на руки — легко, как пушинку, хотя она чувствовала тяжесть своего тела. Он отнёс её к кровати и осторожно опустил на мягкое покрывало, сам нависая над ней. Свет торшера падал ему на спину, создавая ореол вокруг его фигуры, и он казался ей древним божеством, сошедшим с небес, чтобы забрать её с собой в другой мир.

Он склонился над ней, и его губы нашли её губы снова, и поцелуй стал глубоким и долгим, как погружение в тёплое море. Его рука скользнула по её боку, по внутренней стороне бедра, и она чувствовала, как его пальцы приближаются к самому сокровенному, оставляя за собой огненный след.

Он остановился на краю, его пальцы касались влажной ткани её трусиков, и он заглянул в её глаза.

— Можно? — спросил он, и в этом вопросе было столько искренности, столько уважения, что сердце её сжалось от нежности.

Она хотела сказать «да», но вместо этого она просто потянулась к нему, обхватив его шею руками, и притянула к себе. Она поцеловала его в ответ, и её поцелуй был ответом на все его вопросы.

Его пальцы скользнули под кружево, и она почувствовала его прикосновение там, где так давно никто не был. И мир перестал существовать. Остались только эти руки, его дыхание, его шёпот, и горячая, бесконечная ночь, которая обещала им обоим больше, чем они могли себе представить.

### Глава 3. Первый рассвет

Его пальцы скользнули под кружево, и это прикосновение было подобно удару молнии — оно пронзило её насквозь, заставив выгнуть спину и вцепиться ногтями в его плечи. Она не была готова к этой остроте, к этой почти болезненной чувствительности, которая вспыхнула в каждой клетке её тела. Он не торопился, не давил, не требовал. Его пальцы двигались медленно, изучающе, словно он читал по её коже древнюю рукопись, в которой было записано всё, что она когда-либо чувствовала, и всё, что она боялась себе признать.

Он коснулся её клитора — легко, почти невесомо, и она задохнулась, прикусив губу, чтобы не закричать. Но он услышал этот сдавленный стон, и его глаза потемнели ещё больше.

— Не сдерживайся, — прошептал он, и его голос был хриплым, срывающимся от желания. — Я хочу слышать тебя. Каждый звук. Каждую твою дрожь.

Он надавил чуть сильнее, рисуя круги на её влажной, горячей коже, и она не выдержала — тихий, протяжный стон вырвался из её груди, смешиваясь с учащённым дыханием. Она чувствовала, как его пальцы скользят по её скользким складкам, как они находят путь внутрь, как они проникают в неё, медленно и осторожно, и она сжимается вокруг них, инстинктивно, жадно.

— Да, — выдохнула она, не узнавая своего голоса — в нём было столько мольбы, столько откровенной, первобытной потребности. — Пожалуйста, не останавливайся.

Максим наклонился над ней, и его губы нашли её шею, покусывая и целуя, пока его пальцы продолжали своё движение внутри неё, глубоко и ритмично, заставляя её мир сужаться до одной точки, до одного горячего, пульсирующего центра. Она вцепилась в его волосы, притягивая его лицо к себе, и их дыхание смешалось, горячее и влажное.

— Ты такая мокрая, — прошептал он ей в губы, и в этом шёпоте не было пошлости, была только правда, сказанная с благоговением. — Ты так хочешь меня. Ты чувствуешь это?

— Да, — простонала она, выгибаясь ему навстречу, толкаясь бёдрами в его руку, умоляя о большем. — Да, я хочу тебя. Всё время, с того самого момента, как я тебя увидела.

Он улыбнулся — той тёплой, почти мальчишеской улыбкой, которая делала его одновременно опасным и невероятно нежным. Он вынул пальцы из неё, и она застонала от потери, но он тут же поднёс их к своим губам, облизывая их медленно, не сводя с неё глаз. Это было так интимно, так откровенно, что у неё перехватило дыхание.

— Твой вкус, — прошептал он, и его голос был низким и вибрирующим. — Я никогда не забуду его. Ты пахнешь морем и чем-то сладким. Ты пахнешь жизнью.

Он опустился ниже, целуя её живот, её бёдра, внутреннюю сторону коленей, оставляя влажную дорожку на её коже. Она чувствовала, как его дыхание становится горячее с каждым сантиметром, который он преодолевал, приближаясь к самому сокровенному месту. Она вцепилась руками в простыни, ожидая, боясь, желая.

И когда его язык коснулся её клитора, она вскрикнула — громко, отчаянно, не в силах сдержать этот звук. Он был мягким и влажным, и он двигался медленно, лениво, словно у него была целая вечность. Он обводил круги вокруг её чувствительного бугорка, то ускоряясь, то замедляясь, играя с ней, как кошка с мышкой. Она извивалась под ним, её бёдра дрожали, и она чувствовала, как напряжение внутри неё нарастает, как волна поднимается всё выше и выше, готовая обрушиться.

— Максим, — прошептала она, и в этом шёпоте были и мольба, и предупреждение. — Я сейчас...

Он оторвался от неё на мгновение, чтобы посмотреть ей в глаза, и его лицо было влажным, глаза блестели в полумраке.

— Да, — сказал он твёрдо. — Да, Алиса. Отдайся этому. Я здесь. Я держу тебя.

И он снова опустился к ней, но теперь его язык проник внутрь, глубоко и ритмично, а его пальцы нашли её клитор и начали гладить его в такт движениям языка. Это было слишком, это было невыносимо, это было идеально. Она почувствовала, как внутри неё всё сжимается, как мир взрывается тысячей осколков света, и она закричала — громко и хрипло, выгибаясь на кровати, позволяя этой волне накрыть её с головой.

Он не останавливался, пока последние судороги не прошли, пока её тело не перестало дрожать. Тогда он поднялся к ней, и его губы были влажными, и она почувствовала свой собственный вкус на его языке, когда он поцеловал её. Это было так интимно, так полно, что у неё выступили слёзы — не от боли, а от избытка чувств.

— Ты как будто ждала этого всю жизнь, — прошептал он, касаясь лбом её лба. — Или, может быть, это я ждал тебя.

Она обхватила его лицо руками, вглядываясь в его тёмные глаза, пытаясь найти в них что-то — может быть, ложь, может быть, холод, но не находила ничего, кроме тёплой, тягучей нежности, от которой у неё сжималось сердце.

— Я не знаю, что это, — сказала она честно, и голос её дрожал. — Я не знаю, кто ты. Я не знаю, что будет завтра. Но сейчас я чувствую так много, что мне кажется, я сойду с ума.

Он провёл большим пальцем по её влажной щеке, стирая следы слёз, и улыбнулся.

— Тогда давай сойдём с ума вместе, — сказал он и наклонился к её груди, целуя её сквозь кружево, пока она сама не стянула с себя последний кусок ткани, освобождая своё тело для него.

Его футболка полетела на пол, и она увидела его — широкие плечи, мускулистую грудь, покрытую лёгкой тёмной порослью, шрамы на боку, старые и белые, словно следы от давних сражений. Она провела пальцами по этим шрамам, и он вздрогнул, но не от боли, а от её прикосновения.

— Что это? — спросила она тихо.

— Другая жизнь, — ответил он так же тихо. — Она осталась там, где ты меня не знаешь. Здесь есть только ты и я. И эта ночь.

Он стянул джинсы вместе с бельём, и она увидела его — его член был напряжённым и твёрдым, и она почувствовала, как внутри неё снова загорается голодное пламя. Он навис над ней, опираясь на руки, и их тела соприкоснулись, кожа к коже, горячая и влажная.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.